

ОЛИВИЯ
УЭДСЛИ

Сюрприз!
На страницах книги
спрятан *талисман*,
который принесет вам
счастье, благополучие
и любовь.

О любви

МИНДАЛЬ
ЦВЕТЕТ

Оливия Уэдсли
Миндаль цветет
Серия «О любви – прекрасной и вечной»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12865921
Уэдсли, Оливия. Миндаль цветет: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83808-0

Аннотация

Долгое время лорд Тони Рексфорд хранил от всех свое сокровенное желание усыновить ребенка. Искренне и пылко влюбленный в свою жену, он боялся ранить ее чувства, не хотел, чтобы Франческа ревновала к бессмертной памяти их погибшей дочери. И вот однажды на отдыхе в Испании Тони случайно увидел в реке тонущую девочку и спас ее. Взяв хрупкое тельце в руки, он понял, что не сможет позволить малышке уйти из его жизни. Но последнее слово всегда оставалось за Франческой...

Содержание

Книга первая	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	30
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Оливия Уэдсли

Миндаль цветет

Wadsley Olive

Almond-blossom

© 1923 by Wadsley Olive

© Гончаров Ю., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2015

Книга первая

Глава 1

Рексфорд с большим удовольствием позавтракал, выпив чашку ароматного кофе и съев немало булочек с вареньем. Потом он вышел из-под тента, украшенного белыми и розовыми кистями, чтобы посмотреть, какая сегодня погода.

А день выдался прекрасным – солнце сияло, небо казалось бездонно-синим, воздух – кристально прозрачным. Тени на фоне ярко-белых мест, освещенных солнцем, выглядели точно гравировки на граните. В такой день, по мнению Рексфорда, непременно нужно сделать что-то важное. Он вообще считал, что каждый день нужно делать что-нибудь, а если живешь в городе, то в особенности. Но делать что-нибудь в городе означало просто уехать из него куда-нибудь на природу. Правда, Паго сложно было назвать настоящим городом, но тут были улицы, а следовательно, самое лучшее – поскорее покинуть пределы этого человеческого муравейника.

Рексфорд вынул маленькую зажигалку, закурил папиросу и по привычке стал ози-раться по сторонам – нет ли поблизости собаки? Сейчас в его воображении встала картина его собственного двора и фигура пса с его любимым терьером Ником.

Не желая продолжать прогулку и все еще вспоминая Ника с его замечательными янтарными глазами и безукоризненным сложением, Рексфорд вернулся в отель и поднялся в комнату жены. Шел он, слегка покачивая плечами, той свободной походкой, которая всегда отличает атлета. А когда, постучавшись, он застыл в ожидании, его фигура на фоне белой крашеной двери выглядела очень большой и громоздкой.

Франческа пила шоколад в постели, читая полученные на имя Рексфорда письма и строя для него планы на предстоящий день.

Он поцеловал ее чудные волосы, перевязанные сзади широкой лентой с бантом, как у маленькой девочки, осторожно опустился на хрупкий плетеный стул, который заскрипел под его тяжестью, вытянулся, улыбнулся Франческе и сказал:

– Ну, хорошо, как же насчет этого?

Он задавал тот же вопрос каждое утро в течение всего путешествия, и Франческа, предупреждая его желания, всегда позволяла ему водить ее в такие места, которые, по ее мнению, больше всего ему нравились, где он мог бы плавать, ловить рыбу и стрелять или, по крайней мере, смотреть, как другие занимаются тем или иным спортом.

Друзья Франчески, претендовавшие на «полную откровенность» с ней, – которая, в сущности, является не чем иным, как самой докучливой назойливостью, – часто говорили ей, что Тони у нее под башмаком.

Слушая их, Франческа только улыбалась, а передавая их замечания Тони, смеялась громко.

На самом деле Франческа любила своего мужа. Она полюбила его сразу; вполне сознавая, что он был не слишком «боек» и скорее даже немного тяжеловесен, она тем не менее любила в нем эту тяжеловесность так же, как любила его золотистые волосы, хорошо приглаженные утром и перед обедом, но уже менее послушные к вечеру, так же, как любила его голубые глаза, упрямый мальчишеский рот и всю его громоздкую, сильную фигуру.

При слабом свете комнаты, в своем легком, белом костюме, он казался в это утро еще более громоздким, чем когда-либо.

Раздался стук в дверь, и, весь сияя от удовольствия, в комнату вошел слуга с большим букетом желтых роз. Он разразился целым потоком красноречия, описывал свои похождения

в поисках этих роз, их необыкновенную красоту, а также красоту благородной сеньоры и щедрость ее мужа.

Рексфорд приподнял одну бровь, дал слуге пять песет и поблагодарил его. Затем, взяв у него розы, он передал их Франческе.

– Я боялся, что мне не удастся достать именно таких... желтых; ведь другие... это совсем не то!

Он пересел на край кровати и обнял жену. Оба засмеялись.

– Какая была бы трагедия, если бы этот малый не сумел их достать, не правда ли, дорогая, в такой день, как сегодня?

Франческа притянула его к себе своей белой рукой и поцеловала.

– Тебе приходят в голову чудесные мысли, Тони, – нежно сказала она, прижимая его лицо к своему.

Рексфорд просиял.

– О нет, – счастливым голосом уверенного человека сказал он, – но когда имеешь счастье быть мужем такой прелести, как ты, моя дорогая, нельзя забывать. Я и по сей час помню, как я нервничал, ожидая тебя в храме. Мне показалось это вечностью, и когда ты, наконец, появилась, у тебя был вид такого младенчика, мне стало стыдно и даже как-то страшно, как будто я совсем не имел права на тебя.

Он выпрямился, закурил папиросу и передал ее Франческе, затем, закулив другую для себя, добавил:

– Ты знаешь, дорогая, я чувствую себя так хорошо, сидя с тобой, как десять лет назад. Но мне кажется, ты что-то молчалива, родная; случилось что-нибудь?

Франческа засмеялась отрывистым смешком:

– Ничего, честное слово. Но ты понимаешь, что жена не может не быть тронута таким подношением в десятую годовщину свадьбы. Другие мужья, дорогой мой, после такого срока вместо того, чтобы подносить золотые розы, начинают подумывать о разводе.

Рексфорд засмеялся:

– Только плохие мужья, родная. Весь вопрос в том – способен человек или не способен оценить свою подругу жизни, и притом с самого начала.

Он встал и поправил перед зеркалом свой галстук.

– Ты знаешь, Фай, я не хвастаюсь блеском своего ума, но ты согласишься, что я сумел рассмотреть хорошую вещь, как только я ее увидел?

Он опять подошел к постели и стоял, улыбаясь жене.

– А не пора ли тебе встать?

– Дорогой мой, сейчас. Пошли мне Матильду, когда пойдешь. Ее дверь через одну от моей направо. Но, Тони, одну минутку – подойди сюда.

Он вернулся.

– Нет, сюда, сюда, совсем сюда.

Он опять встал около нее, немного заинтригованный; она протянула ему руку.

– Встань на колени, дорогой, ты так далеко от меня; и не смотри так испуганно, никто тебе ничего не сделает. Тони...

– Что, родная, в чем дело?

Его недоумевающий взгляд не мигая встретился с ее глазами.

– Тони, ты был так бесконечно мил, ты говоришь... ты сказал сегодня такие вещи, которые тронули мое сердце и даже немного поразили его. Нет, дорогой, я имею в виду «поразили» не в дурном смысле. Я говорю это по поводу твоего последнего замечания относительно умения оценивать. О дорогой, разве в тебе произошла такая перемена? Разве ты не продолжаешь жалеть, не продолжаешь вечно думать, что это... как бы сказать... тяжелое испытание, когда бывает у нас Чарльз с мальчиками?

Рексфорд высвободил свою голову из-под ее руки.

– Послушай, – твердо сказал он, – я никогда не думаю и не думал, как ты говоришь, никогда не сожалел о том, что взял тебя тогда на охоту. Мы оба рассчитывали, что все окончится благополучно, и ты должна знать, что счастливейшей минутой моей жизни была та, когда доктора, после того, что случилось, сказали, что ты останешься жива. Слушай меня, Фай, и верь мне: если грозит опасность нескольким лицам, в числе которых находится жена, мужу ни до кого нет дела, кроме жены. Выбор в данном случае предрешен, неизбежен, потому что человек просто «не выбирает». Это факт, это неотъемлемая часть жизни, потому что и жена является частью его собственной жизни. Что же касается Чарльза и мальчиков, то я просто вижу в нем великолепного спортсмена, и если ты воображаешь, что я провожу свою жизнь, тоскуя по недостижимому, то знай, моя родная, что я почти никогда об этом и не думаю.

Он встал, взял ее белый шелковый пеньюар и подал его ей.

Она скользнула в него, и он минутку постоял так, держа ее в своих объятиях.

– Ну, теперь все благополучно? – спросил он, отпуская ее.

– Вполне!

Он опять, смеясь, сжал ее в своих объятиях.

– Ты иногда бываешь прямо ребеночком, правда! Ну, теперь поспеши со своим одеванием, а я пойду куплю на пробу местных папирос; они, кажется, очень крепкие.

Франческа услышала, как он спускается по лестнице и остановился на минутку в передней, а затем в окно увидела, как он вышел на улицу.

– Дорогой, дорогой обманщик, – прошептала она.

А Рексфорд тем временем говорил сам с собой: «Я разыграл это поразительно удачно, она совсем не догадывается, что я ее надул. Что делать! Не везет нам в этом, и нечего гнаться за невозможным. Маленький Чарльз займет пустое место, вот и все, и все-таки это будет утешением».

Он размышлял на ходу о том, что Испания, по-видимому, страна, очень подходящая для детей; они толпились у каждой двери, и каждая грязная канавка была настоящим детским царством. К нему вперевалку подбежал ребенок лет трех-четырех, в этом зрелом возрасте уже большой мастер кланяться, и стал настоятельно требовать подачки. Рексфорд рассмеялся, дал ему песету и стал выслушивать его бесконечные благодарности. В этот миг другие ребята увидели, какое счастье выпало на долю этого пионера; они, как пчелы, окружили Рексфорда, и, пока те, которые были еще не тверды на ногах, искали поддержки, хватаясь за его брюки, дети побольше ловили его руки, и все хором жужжали ему в уши.

– Хорошо, хорошо, – сказал он, улыбаясь и смотря вниз на своих требовательных поклонников. – Нате, ловите, маленькие пираты!

Он бросил им пригоршню мелких монет, посмотрел на их свалку и пошел разыскивать папиросы.

В сотый раз обдумывал он вопрос, что сказала бы Фай на то, чтобы удочерить маленького ребенка, так – для забавы, а вернее – признался он сам себе – для того, чтобы придать жизни тот интерес, которого ей не хватало. Однако ни на минуту не остановился он на мысли наметнуть ей на это.

Мысль эта продолжала преследовать его, пока он блуждал по солнцу, поджидая Франческу и наблюдая за бесчисленным потомством испанцев, копошившимся в жаркой пыли.

Отцовская любовь к детям обычно бывает врожденной; редко можно встретить мужчину, который не любил бы детей, но у некоторых это чувство является особенно глубоким, и весь смысл жизни для них как бы воплощается в этом чувстве.

К этой категории людей принадлежал и Рексфорд, и эта врожденная черта сделала из него хорошего хозяина, отличного дядю и рыцарскую душу, – а вместе с тем и неудовлетворенного человека, как бы он ни отрицал это.

В данном случае получился как бы парадокс: то свойство, которое возбуждало в нем недовольство жизнью, вместе с тем не позволяло ему громко его высказывать; любовь или, вернее, склонность покровительствовать другим, естественно, играла самую важную роль в его отношениях с Франческой, а потому, если желания его не разделялись Франческой, он никогда их не высказывал, зная, что это могло бы ее огорчить.

Вообще, нельзя было назвать его самоотверженным человеком; просто он любил свою жену.

Франческа спустилась на веранду и подала ему знак своим белым зонтиком.

В пронизывающем ее солнечном свете ей можно было дать не более двадцати четырех лет. На самом деле ей было тридцать четыре, но у нее был тот особенный английский цвет лица, который как будто никогда не блекнет и не грубеет, и светлые волосы, одновременно напоминавшие и пепел и золото. Ее всегда называли красавицей; в действительности она была очень хорошенькой женщиной, которая умела оттенить свою красоту и которая, даже будь она бедна, все-таки казалась бы элегантною. Она была тонка почти до худобы, но одевалась так, чтобы подчеркнуть свою стройность и не выглядеть худой.

Рексфорд подошел к ней и закрыл ее белый, с серыми полосками зонтик.

– Я распорядилась подать машину, – сказала ему Франческа, натягивая длинные замшевые перчатки. – Как ты думаешь, не поехать ли нам к реке? Может быть, после завтрака нам удастся выкупаться. Я велела приготовить наши костюмы.

– О, великолепно! – сказал Рексфорд.

Пока они говорили, подъехал открытый автомобиль; верх его был поднят ввиду сильной жары. Рексфорд всегда правил сам; автомобильный спорт был его страстью, которая никогда его не покидала. Когда он не был в одном из своих автомобилей, можно было с уверенностью сказать, что он был или около него, или под ним, всегда с трубкой в зубах и что-то насвистывая. Об автомобиле он говорил, как о живом существе, с любовью восхваляя те или другие его достоинства. Поездка по Испании была ознаменована бесконечными починками самой совершенной машины, «Роллс», после ее ежедневных мытарств по самым ужасным дорогам в Европе.

Слуги любили Рексфорда. Шофер Карвель, прошедший специальные автомобильные курсы, бывал страшно доволен, когда Рексфорд заводил с ним разговор по каким-нибудь техническим вопросам, и, хотя высказываемые Рексфордом взгляды бывали иногда совсем не правильны, Карвель всегда с ним соглашался, лишь бы заслужить его внимание.

Подав машину, шофер пересел на заднее место; а Рексфорд, взявшись за руль, сначала выбрался из толпы детишек, а потом направил автомобиль по Севильской дороге. По сторонам Франческа заметила алоэ, которые стояли в цвету, в полном своем великолепии, несмотря на придорожную пыль. Мимо промелькнула часовня; какой-то богомолец положил на распятие гирлянду из апельсиновых цветов, и в лучах яркого солнца она сияла, как живой венец из звезд.

Телеги, запряженные быками, лениво тащились по дороге, и возницы, несмотря на крики Рексфорда и гневную брань Карвеля, с бычьим упрямством отказывались прибавить шаг.

Франческа смеялась над своими спутниками.

– Как хорошо, – говорила она, – что едем немного тише; по крайней мере, можно хоть что-нибудь рассмотреть.

Но Рексфорд весь кипел гневом, и лицо его выражало то негодование, которое в подобных случаях можно прочесть на лицах завязых водителей, садящихся в автомобиль как

будто лишь для того, чтобы как можно скорее из него выйти, и считающих, что всякое препятствие, встреченное ими на дороге, должно исчезнуть с той же быстротой, с какой летит автомобиль на рекорд. Для таких страстных спортсменов автомобиль как экипаж для приятных прогулок при легком прохладном ветерке просто не существует; для них замедлить ход – уже несчастье, а остановиться, не достигнув намеченной цели, – настоящее проклятие.

Небесные мелодии нежнейшей музыки для таких ярких любителей автомобиля, как Рексфорд, ничто в сравнении с тем легким шипением, которое издает на ходу хорошо отрегулированная машина, и крики отчаяния грешников в аду тронули бы его менее, чем скрип неподмазанной гайки. Когда он был занят автомобилем, ничто в мире для него не существовало; как бы ни была красива местность, по которой они проезжали, он ее не замечал.

Франческа уже привыкла к этому и не делала попыток отвлечь его внимание. Она знала наперед, как все должно произойти, и терпеливо ждала окончания пути. Обычно по приезде на место Тони прежде всего производил тщательный осмотр машины, после чего Франческа приходилось выслушивать более или менее продолжительный монолог об автомобилях вообще, о замечательных качествах, проявленных машиной во время данного пробега, и о ловкости, с которой он, Тони, управлял, минуя попадавшие на пути препятствия. Лишь проделав все это, он становился снова любезным супругом и расспрашивал ее, понравились ли ей места, которые они проезжали. Франческа, как любящая жена, обычно отвечала, что она получила большое удовольствие от прогулки и что местность красива, а между тем, исключая те немногие минуты, когда попадавшие на пути коза, вол или какой-нибудь двуногий, по-видимому помышлявший о самоубийстве, несколько задерживали ход машины, автомобиль все время летел с такой быстротой, что положительно нельзя было заметить, какие красоты природы находятся по сторонам дороги; в глазах оставалось впечатление от каких-то пятен неопределенного цвета, в которых лишь по догадке можно было признать поля.

Этот день не был исключением из правила. Тони выскочил из автомобиля, помог Франческа выйти и тотчас наклонился над машиной. Карвель также повис головой вниз, и оба забормотали что-то непонятное.

Франческа, не дожидаясь Тони, прошла в отель, это была такая же маленькая гостиница, как и в Паго, с верандой, увитой виноградом, со стенами, выкрашенными в розовый цвет, и с крашеными столами. Едва Франческа успела заказать завтрак, как ее догнал Тони; он попросил, чтобы ему дали умыться, и заявил, что голоден и хочет пить.

Вскоре он возвратился на веранду, поделился с Франческой своими впечатлениями о ходе машины, наполнил свой стакан, а затем нежно спросил ее:

– Довольна, родная? Как понравилась тебе местность?

Франческа пожаловалась на пыль, упомянула об алоэ, о часовенке при дороге, и Тони одобрительно ворчал с полным ртом. Когда завтрак был окончен, Тони, зная, что автомобиль стоит в сарае под бдительным надзором Карвеля, предложил, прежде чем отправляться на реку, осмотреть окрестности.

Они под руку направились по главной улице, оба с папиросами в зубах.

На улице была тишина. Солнце пекло, но в тени было очень холодно. Как и многие другие города в окрестностях Кордовы, местечко, куда они приехали, производило странное впечатление гордости, холода и полупрезрительного равнодушия к требованиям современной моды.

– Странное место, – сказал Тони, остановившись перед церковью Св. Павла и шуря глаза от солнца, лучи которого ослепительно отражались в черепицах крыши.

– Войдем, – неожиданно сказала Франческа.

Они бросили папиросы, и Тони открыл маленькую дверь, перед которой висела тяжелая кожаная завеса; когда он поднял ее, Франческа вошла и в тот же миг почувствовала, как на нее повеяло прохладой и на душе ее стало спокойно.

Она села на скамью посреди церкви, а Тони остановился позади нее. Через узкое окно врвался луч света и, проходя сквозь цветные стекла, окрашивался в зеленый, алый и пурпурный цвета.

Прибывшие были одни; в церкви было прохладно, темно и даже немного мрачно, но Франческе тут нравилось.

Неподалеку от нее возвышался алтарь в честь Пресвятой Девы; Франческа разобрала выгравированную на каменной решетке надпись: «За тех, кого мы любим». За решеткой горели свечи, пламя которых поднималось совсем прямо в тихом воздухе.

Франческа опустила руку в карман Тони, достала оттуда несколько мелких монет, купила свечей и зажгла их.

Тони наблюдал за ней. Как большинство мужчин его типа, он не очень задумывался над вопросами религии, пожалуй, даже совсем не думал о них, но все же был верующим. Он ставил религию наравне с благосостоянием государства, подданным которого он состоял, и считал ее столь же необходимой, как почву, дождь и воздух.

Но на миг, когда глаза его остановились на склоненной стройной фигуре Франчески, на золотистой пряди ее волос, выбившейся из-под шляпы, в нем заговорило воображение. Он опустился около нее на колени и задумался; в его памяти смутно, но все же болезненно встали образы минувшего – их свадьба, смерть ребенка, дом, их жизнь вдвоем.

Франческа улыбнулась ему, и он, обняв ее, помог ей встать.

Когда они очутились опять на свету, в обычной обстановке, Тони вздохнул с облегчением. Он рад был вновь увидеть солнце, и ему приятно было смотреть на маленькую ящерицу, которая подбежала к ногам Франчески.

– Пройдемся немного, – предложил он.

Он посмотрел на Франческу; в течение дня было два довольно напряженных момента – их утренний разговор и это посещение церкви. Он сказал:

– Ты знаешь, Фай, мы должны отпраздновать сегодняшний день и выпить хорошего шампанского.

Франческа поняла его настроение и с улыбкой согласилась на сделанное им предложение, а тем временем они дошли до гостиницы, и Тони опять повеселел.

Они сели в автомобиль и с той же быстротой, как и раньше, направились к реке, которая протянулась перед ними, сияя на солнце, как изумрудная цепь в серебряной оправе. Они проехали несколько миль вдоль берега, тщетно отыскивая какое-нибудь убежище, и наконец увидели вдали простую палатку.

– Этого будет достаточно, – сказал Тони, – мы заплатим за то, чтобы нас впустили.

Но по приезде они увидели, что палатка пуста, хотя разбросанные домашние вещи внутри и веревка с висющим на ней бельем снаружи свидетельствовали о том, что еще утром здесь жили люди.

Тони заглянул внутрь.

– Тут хорошо, – сказал он, высовывая голову. – Немного грязно, но ведь ты пробудешь здесь недолго. Входи, и, если кто-нибудь придет прежде, чем ты будешь готова, я попрошу подождать.

Франческа быстро разделась, надела купальный костюм и пошла к реке по песку, который даже сквозь сандалии жег ей ноги. В это время Тони бросился в воду и закричал ей, что вода холодная как лед.

Он был замечательный пловец, и, пока Франческа входила в воду, он был уже далеко.

На несколько сот ярдов ниже того места, где они вошли в воду, через реку был перекинут низкий каменный мост. Тони уже почти доплыл до него, когда Франческа услышала, как он вскрикнул и вдруг нырнул, потом показался над водой и нырнул еще раз; в тот же миг она увидела на мосту женщину, видимо чем-то страшно взволнованную, а мгновение спустя Тони вновь показался над водой и поплыл, направляясь к берегу. Рядом с его золотистой головой виднелась еще чья-то маленькая головка.

Франческа также поплыла обратно и, выйдя на берег, побежала к мужу, захватив на ходу свое купальное полотенце.

Тони стоял на коленях, наклонясь над ребенком лет двух или трех, и старался вернуть ему жизнь искусственным дыханием. Франческа знала, какие движения нужно для этого делать; она опустилась на колени и стала помогать Тони, хотя солнце страшно пекло ей спину. За собой она услышала какой-то шум и, обернувшись, увидела мать ребенка, которая плакала, умоляя всех святых спасти ее малютку. Рядом с ней, также весь в слезах, рыдая и причитая, стоял молодой мужчина.

– Боюсь, что ничего не поможет, – прошептал Тони, выпрямляясь и откидывая волосы со лба. – Какое несчастье; я надеялся, что нам удастся спасти маленькую попрошайку!

И как раз в эту секунду ребенок открыл глаза; таких зеленых глаз Франческа никогда раньше не видала. Малютка посмотрела на Тони и улыбнулась ему, как будто желая выразить ему благодарность за свое спасение и прося, чтобы он в будущем не покидал ее.

Тони сел и разразился громким смехом. Франческа наклонилась над ребенком и ухаживала за ним до тех пор, пока он окончательно не пришел в себя.

Родители подошли ближе и стали шумно выражать свою благодарность, на что Тони только бормотал:

– Хорошо, хорошо...

Голос его, видимо, успокаивал ребенка; на руках матери он стал страшно кричать, а когда Тони заговорил, он умолк и на лице его опять заиграла та же чудная улыбка, как будто предназначенная специально для Тони.

– Ну что, маленький чертенок? – сказал он. – А не правда ли, прелестный ребенок? – добавил он, обращаясь к Франческе.

– Она узнает своего спасителя. Она уже знает тебя, Тони! – ответила Франческа.

– В самом деле, мне кажется, она знает меня, – сказал Тони. – Как ее имя? – спросил он у матери.

– Долорес Жуана, сеньор.

– Вот как! Ну, хорошо. – Он подошел к малютке и взял ее маленькую ручку. – Ну, Долорес Жуана, до свидания!

Мать проводила его томным взглядом, а Долорес исполнила свой лучший номер – она улыбнулась. Тони поцеловал ее.

Конечно, Франческа и раньше видела, как он целовал детей, как их целуют вообще мужчины – с какой-то особой торжественностью; но на этот раз, когда она увидела, как Тони в своем купальном костюме, с волосами, мокрыми от купания, и с каким-то мальчишеским видом целует Долорес, странное, неизъяснимое чувство шевельнулось в ней; ей показалось, точно кто-то схватил ее за сердце и толкает куда-то, заставляя принять какое-то решение. В этот миг, сама не отдавая себе отчета, она почувствовала, что знает будущее. И действительно, все, что произошло впоследствии, было лишь исполнением ее предчувствия.

Это ощущение, вызванное как бы шестым чувством, скоро прошло.

Франческа подошла к матери, простилась с ней и поцеловала девочку, а Тони бросился в реку и поплыл к экипажу; через полчаса они уже были готовы.

Когда Франческа собиралась выходить из палатки, которая оказалась пристанищем родителей Долорес, она услышала голос Тони, разговаривавшего с «принцессой прекрасной улыбки».

Разговор, правда, был несложный; слышались только восклицания вроде «агу» или «ну же, маленький чертенок», но разговор этот, очевидно, нравился принцессе, так как Франческа услышала, что она отвечала радостным писком, а выйдя из палатки, Франческа увидела, что Долорес сидит на руках у Тони и засыпает, ухватившись за его обшлаг; секунду спустя она совсем заснула. Тони растерянно посмотрел на жену.

– Совсем завладела мной теперь, – прошептал он.

Франческа посмотрела на обоих, и опять то же ощущение в сердце, которое она только что испытала, заставило ее вздрогнуть.

– Не беспокойся, – сказала она голосом, который старалась сделать как можно более спокойным. – Я сейчас позову мать, и мы отправимся домой. Не правда ли, какой утомительный выдался день?

Она с болью в сердце заметила, что выражение лица Тони мгновенно изменилось; он посмотрел на нее, как бы прося извинения, осторожно поднялся на ноги и отдал ребенка молодой матери, которая разразилась целым потоком благодарностей, в то время как муж ее стоял молча, с угрюмым видом.

– Я готова, Тони, – сказала Франческа. Карвель подал автомобиль.

Тони вынул из кармана банковый билет и нежно вложил его в ручку ребенка.

– Купите ей что-нибудь, – сказал он матери. – До свидания.

Отец, настроение которого смягчилось при виде щедрого подарка Тони, заметил:

– Сеньор, наверное, сам отец? Видно, он очень любит детей?

Франческа услышала ответ Тони:

– Нет, у меня нет детей, – на что мать ребенка выразила соболезнование, а потом, как бы спохватившись, добавила:

– Может быть, сеньор и его прекрасная сеньора только еще справляют свой медовый месяц?

На это Тони ответил, что они уже десять лет как женаты. Это его признание вызвало шепот удивления и сочувствия.

– В таком случае сеньору следовало бы удочерить ребенка, – услышала Франческа слова отца малютки.

В то же время Тони вопросительно взглянул на нее. Она ясно видела его лицо и улыбку говорившего. Маленькая Долорес также улыбалась. Тони что-то ответил; Франческа не могла расслышать его слов, но угадывала их смысл. Несомненно, он говорил, что трудно расстаться с таким ребенком, как Долорес, но потом, сам испугавшись своих слов и покраснев, он поспешил к Франческе.

– Пора ехать домой; прости, что я заставил тебя ждать. Эти крестьяне задержали меня. Мать – миловидная женщина; они тут, должно быть, очень рано женятся; у них уже шесть душ детей, кроме этой малютки, а между тем матери на вид не более двадцати лет.

Он на минутку занялся автомобилем, помог Франческе влезть и сам сел за руль. На обратном пути он был молчалив, что случалось с ним нередко; но по приезде в отель он не пошел, по обыкновению, посмотреть, как Карвель поставит машину в сарай, служивший гаражом; вместо этого он сначала погулял по веранде, а затем поднялся в комнату Франчески.

– Можно войти к тебе выкурить папироску? – спросил он.

Франческа причесывалась. Она улыбкой отпустила Матильду, а Тони присел на плетеный стул рядом с ее туалетным столом и стал вертеть в руках пробочку от пузырька с духами. Распущенные волосы Франчески светлой золотистой волной падали ей на плечи.

Она продолжала причесываться и в то же время из-под опущенных ресниц наблюдала за несколько омраченным лицом Тони. Ее пальцы судорожно сжали гребенку.

«О боже, – думала она, – что бы было, если бы все мужчины были такие же, как он; если бы в них была та же детская беспомощность, то же упрямство, а наряду с ними какая-то особая щепетильность, в которой есть что-то рыцарское; если бы все мужчины умели так же терзать и заставлять идти совсем не туда, куда хочешь, – хотя и знаешь, что это самый лучший путь, – а куда хотят они; и поступаешь по их воле, хотя и сознаешь, что, послушавшись их, не найдешь ни покоя, ни счастья...»

Она вздрогнула, а Тони перестал вертеть в руках золотую пробочку и взглянул на нее.

– Устала? – спросил он; а затем, пристально глядя на нее, медленно добавил, видимо, с желанием доставить ей удовольствие: – Занимаешься своими волосами?

Франческа пробормотала что-то о дорожной пыли и об отсутствии хорошего парикмахера. Водворилось молчание.

Тони опять начал вертеть пробочку, при трении которой о стекло флакона получался легкий скрип, и этот почти неслышный скрип изводил Франческу; ей хотелось вырвать флакон из этих больших рук, бросить его, раздавить и крикнуть мужу: «Зачем ты не высказываешь того, что ты хочешь? Зачем ты заставляешь меня облечь в слова мысль, которая причиняет мне такую боль? Ведь ты принуждаешь меня к этому своей деликатностью. Ты щадишь меня, а я не могу этого вынести...»

Была полная тишина. Заходящее солнце озаряло небо как заревом пожара; где-то щебетала птичка, а на дворе тихо журчала вода в фонтане, и казалось, точно лепестки бесчисленных цветов вянут и тихо падают на землю. Тони опять начал возиться с пробкой. В это время постучали, и в комнату вошла Матильда с платьем в руках, которое она разложила во всем его блеске на кровати.

– Ого! – воскликнул Тони.

– Это мой главный шик, – сказала Франческа. – Помнишь, ты утром сказал, что мы должны хорошо отпраздновать день?..

Они оба рассмеялись. Матильда посмотрела на них. Немного погодя, несколько смущенная присутствием хозяина, она вышла.

Опять наступило молчание. Франческа чувствовала, что чем долее она откладывает объяснение, тем сильнее бьется ее сердце. Наконец она сказала с легкой дрожью в голосе:

– Дорогой, в чем дело?

Она кончила свою прическу и протянула Тони руку.

– Какое дело? – спросил он, насторожившись. Франческа принужденно рассмеялась:

– Тони, о чем ты думаешь?

– В эту минуту как раз думаю об этой козочке – Долорес. Какое счастье, что мы были на реке сегодня! – Он встал и выпрямился. – Я пойду переоденусь и загляну с хозяином в его погреб: ведь сегодня юбилейный обед!

Хотя вино было отличное и Матильда, окончив туалет Франчески, нашла ее прекрасной, тем не менее обед прошел невесело.

А после обеда, как бы в насмешку, слуга пришел сказать, что сейчас на веранде будут петь двое цыган, и предложил их послушать.

Конечно, цыгане оказались отцом и матерью Долорес, и, конечно, она лежала и спала около них, пока они пели и играли.

Тони не выдержал; он подошел к цыганам, заговорил с ними и наклонился над спящей Долорес. Франческа слышала, как цыган Педро рассказывал о своей бедности, о громадной семье и о том, как им всем тяжело живется.

Она сказала Тони, что пойдет наверх; было еще не поздно, но то напряженное состояние, в котором она находилась в течение последних часов, страшно ее утомило. Дойдя до

своей комнаты, она села в темноте к окошку; звук гитары и тут долетал до нее, и она слышала голос Педро – молодой, сильный, полный веселья.

Была ночь; звезды ярко сияли в глубокой, непроглядной тьме, а легкий ветерок приносил откуда-то тысячу сладких ароматов.

Франческа внутренне содрогалась. Вся эта красота не гармонировала с ее настроением, с грустью в ее сердце: она была для счастливых, для тех, кто спокоен и находится в полном согласии с окружающим миром. Она была так далеко от всего этого и, может быть, накануне страданий и борьбы. Она не могла, не была в состоянии первая предложить Тони удочерить этого ребенка; нет, у нее не хватало сил сделать это, хотя она и читала в его глазах немую просьбу.

В ее мозгу блеснула была надежда: «Может быть, Тони вовсе об этом не думает?» Но она тотчас почувствовала, что обманывает себя.

Она сплела руки и сжала их так сильно, что кольца врезались в пальцы, а тяжелые мысли продолжали роиться в ее голове.

Если это случится, вся их жизнь изменится, они отдалятся друг от друга; а кроме того, она знала, что будет ревновать Тони.

Да, она будет ревновать, она сознавалась себе в этом, и легкая краска залила ее лицо, а сердце как будто пронзил укол кинжала.

И она знала, что будет ревновать не за себя, не из-за того, что Тони до сих пор любил ее одну и счастье его зависело всецело от нее, нет, она будет ревновать к бессмертной памяти той, которой уже нет и которую вызвала к жизни их первая любовь.

О, как мог он, как мог он желать этого ребенка, если он еще помнит...

Перед ее мысленным взором встали она и Тони в прошлом.

Тони вошел к ней, когда ей только что стало немного лучше и она, первый раз встав с кровати, опустилась на колени перед ящиком, где лежали прелестные маленькие платяца. Он преклонил колени рядом с ней, взял ее руки и стал целовать ее, стараясь поцелуями осушить ее слезы.

Как же теперь он мог этого желать?

Как легко мужчины забывают; как недолго они действительно страдают!

Те слезы, которые Тони стер когда-то своими поцелуями, теперь как будто вернулись и потекли прямо в ее сердце.

А снизу, из насыщенной ароматом темноты, все еще долетали звуки гитары и молодой голос Педро пел о любви и горе.

Франческа встала и начала ходить по комнате. Какое невозможное создалось положение! И все случилось в какие-нибудь полчаса, из-за пустого случая. А теперь вся жизнь их бесповоротно изменится.

Дверь отворилась, и Тони заглянул в комнату.

– Ну что? Не спишь?

– Нет, я не могу спать.

Он подошел к ней.

– Что-нибудь случилось?

Она ответила ему также вопросом:

– Ушли цыгане?

– Да, то есть мать и спасенная нами сеньора Долорес Жуана ушли, а Педро, отец, еще тут.

– Ты не остался больше внизу после того, как те ушли?

– Нет.

Он нерешительно прошелся по комнате и подошел к окну, на фоне которого выделялась его большая, хорошо сложенная фигура с широкими плечами.

Весь он был как бы олицетворением силы, и вместе с тем Франческа чувствовала, как бесполезна была эта сила при данных обстоятельствах.

Она подумала, что, если бы Тони сейчас повернулся к ней и прямо сказал: «Послушай, родная, я хочу взять этого ребенка, это самая прекрасная малютка, какую я когда-либо видел, и мне хотелось бы устроить все это завтра же утром», – насколько ей было бы легче. Своей прямоотой Тони снял бы с ее сердца эту ужасную тяжесть, которая росла с каждой минутой.

Но Тони молчал. Тогда наконец Франческа, подойдя к нему и взяв его под руку, сказала:

– Не говорили ли случайно Педро и Мария о том, чтобы нам удочерить их ребенка?

– О нет... как тебе сказать. Они немного поговорили, но ведь ты знаешь – это такой народ! Может быть, они и не думают совсем об этом. Ведь отдать ребенка чужим – это не такая простая вещь, которую можно обделать в пять минут.

– Да, я знаю. Но предположим, что они согласились бы, – почему бы нам не сделать этого?

Она почувствовала, как он вздрогнул, и, когда он заговорил, голос его дрожал:

– Слушай, Фай. Как ты, собственно, смотришь на это? На самом ли деле ты хочешь этого? Я не скрою, что малютка мне нравится. Я вытащил ее из воды, мы спасли ей жизнь – мне кажется, все это оказывает свое влияние, но я ни в коем случае не хочу сделать ничего такого, с чем ты не была бы вполне согласна. Это всецело зависит от тебя, и мы...

Он остановился, и наступило молчание.

– Я знаю, что ты спас ее, – сказала Франческа, – и если действительно эти люди хотят от нее отделаться, если ты действительно хочешь этого, если это действительно может доставить тебе счастье...

Голос ее задрожал. Она не могла продолжать. Усилие, которое она сделала для того, чтобы облегчить все это Тони, было свыше ее сил; она уже не владела собой.

Но Тони ничего не заметил. Он начал спокойно, всесторонне обсуждать вопрос, обнаруживая этим, что все давно уже было им обдумано.

Франческа слушала – как права была она, о, как ужасно права!

Она слушала и помогала Тони в обсуждении его плана. На дворе стало совсем тихо. Педро ушел, отель тихо погрузился в сон. Внезапно в тишине, разбуженная чем-то, отозвалась птичка; она замолкла на секунду, потом опять нежно защебетала.

Франческе показалось, точно из глубины далекой ночи, той, что была десять лет тому назад, до нее долетел шепот, в котором слышался призыв и который требовал у ее сердца ответа.

Она перестала слушать Тони; в ее памяти воскрес тот – другой вечер; в плюще около дома, куда они отправились после свадьбы, вдруг вспорхнула и запела птичка. Она ждала Тони и, услышав этот шорох, вздрогнула, и сердце ее начало усиленно биться; она подумала, что это Тони.

Она прислонилась к окну и стала всматриваться в плющ, а из сада к ней доносился какой-то тонкий аромат, и ей казалось, что это пахнет чудная, единственная в мире роза.

Кто-то потянул ее назад, и она очутилась в объятиях Тони; он стоял позади нее и ждал.

Они стояли у окна, рука в руке, любясь красотой ночи – ночи, такой же, как сегодня, такой же удивительно прекрасной, бездонно темной. Но тогда Тони целовал, целовал без конца ее волосы, называя их «душистой короной», а она стояла, прислонившись к его плечу.

Десять лет назад...

Голос мужа долетел до нее сквозь эти воспоминания:

– Это зависит от тебя, ты должна решить.

Она схватила его руки.

– Тони, помнишь ты ту ночь, десять лет назад?

– Конечно, помню, – сказал он спокойно.

– Как все это было чудно, правда? И как грустно – как бы знакомые стали надо мной смеяться, если бы они знали, какая я сентиментальная, – да, как грустно, как трагично то, что все это прекрасное прошло так скоро и... позабылось.

– Оно не забыто, – сказал Тони, – только положение изменилось, мы как бы выросли. Ты знаешь, я не мастер выражать свои мысли, но мне кажется, что хотя действительно день свадьбы прекрасен, великолепен, но жить вместе день за днем, чувствуя красоту жизни и зная, что и другой испытывает то же, это не менее прекрасно, не менее удивительно. Столько дней я смотрю на тебя, горжусь тобой, радуюсь тебе, потому что ты моя жена, потому что ты любишь меня! Мне это кажется прекрасным.

– О Тони, – прошептала Франческа; она обняла его и прижалась головой к его плечу. Он поцеловал ее волосы.

– Чем это они пахнут, Фай? Какие это духи?

– Я забыла, как они называются. О Тони, я люблю тебя.

Он глубоко вздохнул, нагнувшись над ее склоненной головой. Франческа подождала минуту, затем быстро продолжала:

– И, Тони... я думаю... мне кажется... я решила... мне бы хотелось, чтобы к десятой годовщине свадьбы мы сделали себе подарок – другую Долорес. Как тебе кажется, разве это не хорошая мысль?

Она постаралась улыбнуться; по ее голосу было слышно, как она волнуется. Тони крепко обнял ее.

– Фай, неужели? – И, не ожидая ее ответа, он быстро продолжал: – Значит, ты не против этого?

Она ждала этого вопроса и быстро ответила:

– Нет, дорогой мой!

Он выпустил ее из своих объятий. Теперь решение было принято, сомнений и колебаний больше не было; можно было сознаться.

– Я часто думал об этом прежде, – тихо сказал он, – но я боялся... я думал, что, может быть, ты будешь огорчена. Как мало мы знаем друг друга! А теперь все устроилось!

– Да, все устроилось, – ответила Франческа, как эхо.

Где-то вдали раздался бой часов, тихо и нежно неслись звуки в ночной тишине.

– Уж поздно, – пробормотал Тони.

– Тебе придется помочь мне раздеться, – сказала Франческа.

Жизнь снова потекла обычной колеей; жертва была принесена и осталась незамеченной.

Тони занялся расстегиванием белого с серебром платья, слегка ворча, когда крючки застревали. Окончив наконец свою работу, он испустил глубокий вздох облегчения.

– Теперь я займусь своим туалетом. Не задержусь – устал сегодня.

Он скрылся в свою комнату, и Франческа услышала, как он плескался, умываясь, и причесывал свои волосы, а затем он вновь появился, вымытый и сонный.

– Не правда ли, какой длинный день? – спросил он. – Ведь не каждые пять минут и не в каждый свадебный юбилей усыновляют ребенка. Мне кажется, нам следует сделать этот день днем ее рождения, чтобы она праздновала вместе с нами. Хочешь спать, родная?

Может быть, Франческа ответила так тихо, что ему послышалась в ее голосе грусть; или, может быть, в глубине души он смутно почувствовал, что существуют на свете огорчения. Все, что сказала Фай, было, несомненно, вполне правильно, и все-таки, подумал Тони, какие странные, непонятные существа эти женщины. Впрочем, может быть, Фай вспомнила... милая, дорогая бедняжка!

Он обнял свою красавицу жену.

– Ты счастлива, дорогая?

– Конечно.

Она погладила его густые растрепавшиеся кудри.

– Почему ты задаешь мне этот вопрос?

– Да так, не знаю. Ведь все-таки сегодня опять исполнился год.

– Да, ты прав.

Он подождал. Франческа молчала. Несомненно, она устала; ведь был такой длинный день. Он высвободил свою руку.

– Спокойной ночи, родная.

– Спокойной ночи, дорогой.

Когда он так крепко заснул, что было трудно разбудить его, Франческа встала и опустилась на колени около окна.

Необычайно ярко, как в калейдоскопе, промелькнула в ее памяти вся их жизнь с Тони со дня их свадьбы – веселые дни, когда они устраивались, потом совместные прогулки, охоты, танцы, визиты. Тони казался вполне счастливым, вполне довольным своей жизнью, и тем не менее в самых сокровенных тайниках своей души он все время лелеял эту надежду, о которой она ничего не знала, которую Тони считал слишком священной, чтобы высказать ее ей; или же он полагал ее любовь недостаточно глубокой для того, чтобы отважиться осуществить свою мечту.

Эта мысль в данный момент огорчала ее больше, чем принесенная ею жертва, сделавшая возможным осуществление его желаний; ведь эта жертва скрепила их еще более; но сознание того, что Тони молчал столько лет, ревниво оберегая даже от нее свою мечту, больно ранило ее сердце. Устремив взор в темноту ночи, она начала думать о том, как мало мы знаем о происходящем в чужой душе: человек проводит всю свою жизнь рядом с другим человеком, знает каждый его поступок, связан с ним взаимной любовью и вместе с тем знает его так мало, что тот имеет возможность скрыть такое серьезное желание, могущее в корне изменить всю их совместную жизнь. Удивительно странно было открывать совсем новые свойства, новые черты в характере любимого человека!

Ее пугало то одиночество, в котором она внезапно почувствовала себя с тех пор, как он сделал ей это внезапное признание.

Она чувствовала какое-то волнение, вызванное борьбой в ее душе самых разнообразных чувств – ревности, и благодарного порыва, и страха, и тоски, и большого глубокого горя. Несмотря на возбуждение, в котором она находилась после жертвы, принесенной любимому человеку, она сознавала, что будет страшно страдать, видя Тони вместе с Долорес, и что самая дорогая ей память будет навсегда омрачена. И все-таки она хотела, чтобы Тони был счастлив. Она всегда считала, что надо мириться с неизбежным, что надо, насколько хватает сил, приспособляться к обстоятельствам. Это было ее жизненным лозунгом, и она считала, что мудрее этого нет ничего на свете, а теперь, к ее удивлению, при первом серьезном испытании это правило оказывалось слабым и ненадежным – пустым набором слов.

Нелегко было мириться с тем, что причиняет боль и огорчение.

Заря забрезжила на востоке; первый луч, как жемчужное копье, прорвался сквозь темные лиловые полосы, и неровная извилистая улица начала понемногу выступать из темноты... Наступал новый день.

Франческа с грустью поднялась и подошла к туалетному столу освежить руки; при этом она мельком увидела себя в зеркале.

Неужели только вчера еще она чувствовала себя такой молодой и жизнь казалась дорожкой, усеянной розами? Они цвели теперь, эти розы, в высокой вазе около нее. Она посмотрела на них, и первые слезы заблестели на ее глазах.

Глава 2

Через неделю Долорес Жуана Эствиваль, в возрасте двух лет и одного месяца, дочь римско-католической церкви и гражданка испанского королевства, стала законной собственностью Тони и Франчески, а родители Долорес стали законными собственниками целого состояния и чувствовали себя вполне счастливыми, освободившись от лишней обузы.

Долорес философски отнеслась к перемене своей жизни. Она покинула родительский кров, сидя в автомобиле между Франческой и Тони, который – как с бледной улыбкой отметила Франческа – на этот раз ехал очень медленно, давая возможность Долорес вдоволь насмотреться на все, что попадалось на дороге, – на прохожих, быков, на деревья в цвету.

В этот день после обеда, чувствуя себя бесконечно одинокой и издали наблюдая, как Тони возится с Долорес, Франческа прислушивалась к тому, как в ее душе поднималась какая-то неприязнь против них. Ей хотелось плакать, кричать, насмехаться, видя, как Тони счастлив, как его забавляет Долорес и как он смеется, когда она, упавши, смотрит с удивлением на землю, которую за минуту перед тем она смело попирала своими ножками. Он сам вместе с Франческой ездил нанимать няньку, с которой он вел переговоры на своем ломаном испанском языке, объясняя ей, как она должна ходить за Долорес.

Франческу удивила такая заботливость, и она, как и раньше, опять почувствовала тот же укол в сердце.

Долорес, с причесанными кудрями, с раскрасневшимися щеками и своими зелеными глазами, блестевшими, как две освещенные ярким солнцем лужицы, танцевала на руках у Тони, и ее развевающееся платьице окружало ее белыми волнами.

Их автомобиль несколько дней служил только для того, чтобы закупить для Долорес все необходимое; Тони сам выбрал ей пару башмачков изумрудного цвета и маленькое бисерное ожерелье.

– Я никогда не замечала у тебя такой любви к украшениям, – сказала ему Франческа.

– Да я и не люблю их; просто у Доры такие зеленые глаза! – сказал он с усмешкой.

Он выбрал для нее имя Дора; нянька Эмилия и Франческа получили распоряжение называть ее так.

Франческа не могла не согласиться, что Дора была достойна своих нарядов и того необыкновенного внимания, которым она была окружена; она действительно была прелестным ребенком.

– А уж когда она улыбается!.. – говорил Тони, не находя слов, достойных описать все очарование ее улыбки.

Дора, как бы понимая, кто ею больше пленен, почти исключительно улыбалась Тони, который был ее небом, ее мечтой, ее божеством.

Первое, что она выучилась говорить по-английски, было его имя; она знала его голос, его походку, и, как только он садился, она с необыкновенной серьезностью тотчас карабкалась на него, становилась ножками, обутыми в зеленые башмачки, на его колено, прижималась лицом к его лицу и улыбалась своей обворожительной улыбкой.

А Тони с затаенным дыханием шептал:

– Ах ты, маленькая разбойница, изумительная маленькая козочка!

Он почти не ласкал ее при Франческе; он мог быть «тяжеловатым» и даже – как говорили подруги Франчески – тяжкодумом, но именно эта способность быть всецело поглощенным одной мыслью иногда делала его очень тактичным; между ним и Франческой никогда не возникало вопроса о ее привязанности к Доре, и хотя Франческа относилась к ней с большой заботой и даже звала ее «моя крошка», тем не менее Тони знал, что всякая попытка с его стороны подражать в этом отношении Франческе была бы ей неприятна. И потому на

людях Дора не получала ласк, и лишь когда они оставались вдвоем, Тони вознаграждал себя в этом отношении.

К несчастью, это случалось редко; Франческа почти всегда была тут, и только однажды на его долю выпал великолепный день, когда ему удалось увезти Дору в автомобиле, в то время как Франческа лежала с головной болью, пытаясь заснуть. Эмилия просила, чтобы ее тоже взяли, – не потому, что она любила автомобиль, а потому, что она любила Дору; автомобиль в минуту откровенности она назвала «дьявольской машиной». Это случилось после того, как она проехала с Тони, которому пришла мысль пуститься полным ходом, и этой памятной прогулки она никогда уже не могла забыть.

При одной мысли, что ее дорогой ребенок будет подвергаться такой ужасной опасности, что ему грозит, может быть, даже смерть, Эмилия не могла не протестовать.

Но Тони был неумолим, а потому, поручив свою малютку всем святым и обратившись к ним с молитвой, чтобы они спасли автомобиль от дурного глаза, Эмилия проводила взглядом машину, которая скрылась в облаке пыли, и отправилась на веранду продолжать прерванный отдых; к счастью, там уже находился лакей Мигуэль, который также предавался отдыху после трудов и помог ей забыть свою печаль, наигрывая на мандолине и сопровождая свою игру выразительными взглядами.

Между тем Тони и Долорес ехали в полном молчании; на Долорес было белое кисейное платье и большой белый платок, который, как вершина горы, поднимался над ее белым шелковым капором.

– Нравится тебе это? – спросил наконец Тони, когда они уже проехали около десятка миль; он перевел свой вопрос на природный язык Долорес, и она улыбнулась. Тони обнял весь этот белый комочек, и Дора начала смеяться, выпрямилась и положила свою ручку на громадный руль. Тони посадил ее к себе на колени, и Дора стала править.

Было жарко и тихо. Наконец, заметив сад, который, по-видимому, принадлежал нежилому дому, Тони остановил автомобиль и, держа Дору на одной руке, направился к железным воротам.

Дом, расположенный на высоте двух небольших террас, стоял в глубине сада; это было четырехугольное строение, выкрашенное в розовый цвет, который местами выгорел и стал лимонно-желтым; крыша, черная с белым, блестела на солнце. Дом казался совершенно пустым, и тропинки в саду быстро поросли травой.

Но террасы были очень красивы; с них каскадами спускались, как бархатные волны, розы различных оттенков, от ярко-красного до нежнейшего розового.

Тони вынул свою трубку и уселся под апельсиновым деревом.

Тут было бесконечно тихо; казалось, что на свете существуют только солнечное сияние, пчелы и розы.

– Мы с тобой будем часто приезжать сюда, – сказал он Доре. – Это будет наш волшебный сад, мы его открыли.

Он серьезно посмотрел на Дору, и она также взглянула на него широким довольным взглядом, которым смотрят дети, когда они любят и верят.

Тони не испытывал в общении с детьми той неловкости, которая так свойственна мужчинам; он нисколько не стеснялся, когда дело касалось детей; короче говоря, он принадлежал к тому разряду мужчин, которые любят детей, собак и лошадей, потому что они понимают его.

В его голове рождались всевозможные планы насчет Доры, в то время как эта последняя всецело была поглощена игрой апельсинами. Усевшись у ног Тони, она с поразительной настойчивостью старалась попасть одним апельсином в другой, причем поле ее игры заключалось между ногами Тони, которые служили пограничными столбами.

Тони, как истый спортсмен, раскритиковал ее приемы; он стал учить ее тонкости хорошего удара и показал ей, как попадать в апельсин на более далеком расстоянии, внося этим большой интерес в игру.

Дора тотчас согласилась; она устроилась поудобнее напротив Тони, на расстоянии двух шагов от него, и начала катать апельсин, как ей показал Тони.

– Чистый удар! – одобрил Тони, когда большой апельсин случайно попал наконец в цель. – Молодец, крошка!

Они оба с равным интересом погрузились в игру; у них был одинаковый спокойный характер, который так редко встречается в наш нервный век.

Когда катать руками им надоело, они попробовали заменить руки ногами, и результат получился удовлетворительный.

– Со временем я научу тебя играть в крикет, – сказал Тони во время игры, – и ездить верхом, и стрелять, а главное – ловить рыбу.

Чтобы дать понятие Доре об этом важном предмете, он даже вынул трубку изо рта.

– Рыбная ловля – вот это спорт, Дора! Как приятно выйти рано утром, дойти до реки, а потом стоять у воды, смотреть на тихую рябь, ждать, думать и чувствовать, что весь мир принадлежит тебе. А вечером, когда вдоль холмов поползут темные тени, зажгутся костры в лесу, возвращаться домой по густой, мягкой траве... Да, в ужении есть какая-то особая прелесть, поверь мне, малютка!

Дора, очевидно, поверила, так как тихо, но внятно повторила:

– Удить.

Для пылкого Тони этого было достаточно, чтобы прийти в восторг; он почувствовал, что это всегда будет служить анекдотом, доказывающим исключительную мудрость Доры. Очень довольные друг другом, они направились к автомобилю. Немного не дойдя до ворот, Тони остановился, вдруг услышав голос, который звал его:

– А, Рекс! Наконец-то я нашел вас. Я узнал автомобиль; я ведь разыскивал вас.

Последовала пауза, в течение которой Тони взял Дору на руки и вышел из сада.

Встретив удивленный взгляд молодого человека, сидевшего в другом автомобиле, Тони сказал:

– Мы удочерили Дору. Дора, это твой дядя, Пан.

Паскаль Гревиль, бросив быстрый взгляд на Тони, наклонился, взял ручку Доры и с какой-то смешной торжественностью поднес ее к своим губам.

– Честное слово, Рекс, у тебя прекрасный вкус, – сказал он, подняв голову. – Поздравляю.

Тони что-то пробормотал, а потом сказал:

– Как ты очутился здесь? Я думал, на основании твоего письма к Фай, что тебе не удастся получить отпуск; значит, у тебя здесь какое-то особенное дело?

– О да, но с этим уже покончено. В Мадриде всегда так: сначала большой шум, мы оказываемся чуть не на краю пропасти из-за того, что наша дипломатия не может сговориться о каких-нибудь третьестепенных подробностях, и вдруг на другой день, а иногда и в тот же день, все кончено. С моим делом случилось то же самое: оно истлело, как бумага в огне. Привыкаешь из-за пустяков тратить громадный запас энергии, но в конце концов это так надоест, что становишься ко всему равнодушным, а начальство принимает это равнодушие за переутомление и дает отпуск.

Он коротко рассмеялся своим собственным словам, а Тони, взглянув на алый гоночный автомобиль, из которого вышел Пан, невозмутимо спросил:

– Это твой автомобиль?

– О нет: его одолжил мне Десанж.

Он кивнул шоферу, который сидел за рулем, и сказал ему на прекрасном испанском языке:

– Вы можете вернуться в отель. Я возвращаюсь в другом автомобиле.

– Ты видел Фай в отеле? – спросил Тони.

– Нет, ее горничная сказала мне, что она спит, а какая-то толстая испанка, с прекрасными зубами и бровями, точно выведенными карандашом, сообщила мне, что ты уехал в автомобиле. Я был удивлен ее осведомленностью, но теперь я догадываюсь, что эта девица занимает важное положение в вашем хозяйстве – очевидно, ввиду появления моей племянницы.

Тони коротко ответил:

– Я спас Дору, а затем я, то есть мы решили ее удочерить.

– Великолепная мысль, в особенности имея в виду, что девочка так прекрасна.

Такая оценка немного смягчила Тони. Они с Паскалем никогда не дружили. Чарльз – другое дело; но Паскаль, на десять лет моложе его и единственный сын их отца от второго брака, никогда не был в полном смысле слова членом их семьи. Тони не мог бы сказать почему, но у него не было привязанности к Паскалю, они с Чарльзом редко говорили о нем, и Паскаль вел совсем обособленную от них жизнь.

Он решил пойти по дипломатии, и Мадрид был первым местом его службы; поездка по Испании и была предпринята по его совету. Это случилось таким образом: Рексфорд встретил Паскаля в Париже, где он стал отзываться с восторгом о Кордове. «В ней есть что-то таинственное, ее прошлое живет среди ее сухих пальм с темными, протянутыми, наподобие рук, ветвями», – сказал он.

Тони никогда не думал, что у Паскаля есть поэтическое дарование; вернее сказать, он боялся этого как катастрофы и очень опасался, что его предположение окажется верным.

Само имя Паскаль совсем не подходило к их семье, где все иностранное считалось недопустимым, а потому еще с детских лет братья стали звать его просто Пан, и, таким образом, чисто случайно он стал носить имя, которое впоследствии оказалось для него весьма подходящим.

Одна из причин, почему Тони относился к Паскалю с каким-то мрачным недоверием, была его несомненная красота; она приводила Тони в отчаяние; ему казалось странным и совсем не нужным, чтобы член приличной семьи был наделен такой особенностью. Впрочем, в этом отношении он не был фатом, а если и был им, то умел хорошо это скрывать.

В глубине души Тони сознавал, что Паскаль чертовски умен, и это тоже беспокоило его; он не понимал своего молодого брата, с блестящими глазами и блестящим умом, с экзотическим видом и необыкновенной физической силой варвара; ему не нравились его развязные манеры и небрежное отношение ко всему и ко всем.

«Это следствие его иностранного происхождения, от его матери-венгерки», – говорил себе Тони, как бы утешая себя.

Он предпочел бы, чтобы мать Паскаля была австриячкой; все-таки Австрия была менее отдаленной и менее дикой страной, чем Венгрия.

Мать Паскаля умерла вскоре после смерти их отца, который боготворил ее и вместе с тем идеализировал – счастливое сочетание двух чувств, которое очень облегчило обоим супругам задачу мирной совместной жизни.

Тони ладил со своей мачехой, в особенности, вероятно, благодаря тому, что они, по взаимному молчаливому соглашению, избегали друг друга; после ее смерти Тони передал ее состояние ее сыну.

Настоящий неожиданный приезд Паскаля Тони приписывал каким-нибудь денежным затруднениям, что, впрочем, не особенно его беспокоило, так как он по природе был щедр и любил покровительствовать своим родственникам.

Паскаль посадил Дору к себе на колени и шутил с ней по-испански, а она отвечала ему с достоинством и нисколько не смущаясь.

Оба они в то же время улыбались Тони, и последний был поражен необыкновенной выразительностью их улыбающихся лиц, блеском золотых, орехового цвета, глаз Паскаля и нежных, прозрачных глаз Доры.

Ему внезапно пришло на ум: «Какие удивительные дети были бы у Паскаля», – и он сказал:

– Пан, почему ты не женишься?

– А зачем? – спокойно ответил Паскаль. – В двадцать пять лет? Не стоит, мой дорогой.

– Мне кажется, ты напрасно не хочешь, – сказал Тони. – По-моему, это более подходило бы тебе, чем та жизнь, которую ты сейчас ведешь.

Паскаль сделал гримасу, причем углы его красивого рта опустились и в глазах отразилось презрение.

А затем, со свойственной некоторым людям способностью безошибочно угадывать обстоятельства, которых собеседник не желает касаться, он спросил Тони:

– А как, собственно, относится к Доре Франческа?

Тони насторожился.

– А как, ты думаешь, она может относиться? – спросил он.

– Мне кажется, это должно быть немного затруднительно – допустить в свою жизнь такое новое явление, даже когда оно облечено в такую прекрасную форму, тем более что Франческа была глубоко потрясена, когда с ней случилось то несчастье, – не правда ли?

Тони ответил, делая ударение на словах:

– Фай сама подала мысль удочерить Дору.

Паскаль снова улыбнулся, и на этот раз его улыбка выражала нечто среднее между удивлением и насмешкой.

– Я так и знал; я был уверен в этом, – согласился он.

Остальную часть пути они проехали молча. Франческа ждала их на веранде и весело махала им рукой.

За ее спиной Паскаль увидел кордовскую девушку, с бровями, точно нарисованными карандашом; Франческа давала ей какие-то распоряжения.

Он передал Дору на руки няньке и вместе с Тони сошел с автомобиля.

Между Паскалем и Франческой всегда существовали дружеские отношения. Его замечательная красота не могла не привлечь внимания всякого, кто любил прекрасное; голова его, покрытая целой шапкой густых черных волос, была великолепна; роста он был высокого, и от всей его тонкой, но вместе с тем внушительной фигуры веяло силой атлета.

Женщины вздыхали по нему, что забавляло его и доставляло ему тайное удовлетворение. Он был избалован, и это ему нравилось.

– Каждый должен быть избалован, – заявлял он, – это очень хорошо.

– Какой бы от этого ни получался результат, я полагаю, что такая избалованность не имеет ничего общего с добродетелью, – смеялась Франческа.

Паскаль снял свою мягкую белую шляпу и приветствовал Франческу, поцеловав сначала одну, а затем другую ее руку. С ней он держал себя проще, более искренне, чем с какой-либо другой женщиной. Он любил ее, но никогда не мечтал ухаживать за ней, а потому способен был оценить ее по достоинству.

В эту минуту ему было очень жаль ее; в нем было затронуто рыцарское чувство, которое еще не окончательно было подавлено его эгоистическим взглядом на жизнь.

Способность угадывать чужие мысли сразу подсказала ему, что она страдала, о чем также свидетельствовали темные круги под ее прекрасными глазами.

Он прислонился к одной из колонн веранды и любовался своей невесткой.

Франческа была необыкновенно изящна в своем белом тонком платье, которое еще более оттеняло ее стройность, и ему доставляло удовольствие смотреть на ее силуэт на фоне розовых гераней, отсвет которых, казалось, отражался на ее светлых, золотистых волосах; в ней была какая-то особая сила, которая одновременно манила и заставляла быть почти-тельным.

Паскаль думал: «Она принадлежит к тому разряду женщин, в которых мужчины влюбляются и которым женщины завидуют».

Сегодня ее красота была словно окутана какой-то тенью.

«Она смертельно несчастна», – сказал себе Паскаль, и ему захотелось обнять ее и сказать: «Послушай, Фай, я все знаю. Я страшно огорчен за тебя».

Но он знал, что, если бы он допустил такую откровенность, Франческа посмеялась бы над ним, весело похлопала бы его по волосам, и он почувствовал бы себя очень неловко.

Он сам внутренне посмеялся над собой, что позволил своим чувствам идти по такому опасному пути; его девизом было – наслаждаться без сожалений и исчезать без упреков.

А потому он сказал:

– Мне нравится ваша девочка, Франческа, и вы сделали прекрасный выбор; она очень хорошенькая, и, кроме того, у нее есть еще одно большое преимущество; нельзя спорить о том, чьи у нее глаза и с какой стороны – отцовской или материнской – она получила свой нос.

Он весело стал рассказывать о Мадриде, настаивая на том, чтобы Рексфорды возвратились с ним, а затем, после кратковременного пребывания в Мадриде, проехали в Биарриц: там серебряная морская пена, баккара, замечательные вина...

– Вы должны поехать, мои дорогие!

Тони ненавидел, когда его называли «мой дорогой»; он считал это личным оскорблением, причем таким, на которое, как на укус комара, нельзя было сердиться, не показавшись смешным. Он зажег трубку и продолжал молчать.

– Ну, что же ты молчишь и опустил голову? – с веселой небрежностью обратился к нему Паскаль.

– Если хотите, поедem, – сказал Тони не особенно любезно, устремив глаза на Франческу.

– Значит, решено, – заключил Паскаль, глядя на Тони из-под своих густых ресниц. Он был сердит на него за Франческу, насколько вообще он умел сердиться.

Паскаль не имел никаких особых привязанностей; ему не было знакомо чувство любви, которое стремится покровительствовать любимому человеку; их наследственное имение Гарстпойнт, которое Тони, сделавшись наследником, так украсил, было для него просто местом, которое он всегда знал, и все-таки он прекрасно понимал Франческу и совсем не понимал Тони. Делая свои наблюдения, он в тысячный раз спрашивал себя, зачем умные женщины выходят замуж за глупых мужчин. Или зачем, выйдя за них замуж, они не умеют устроить свою жизнь так, чтобы поступать, как им хочется.

Паскаль не понимал любви, которая жертвует собой. По его понятиям, раз человек желал чего-нибудь, он должен был стараться этого добиться во что бы то ни стало, и отдавать любимому человеку следовало лишь столько, сколько можно было рассчитывать получить от него самому.

Паскаль с Франческой гуляли вдвоем в старом саду. Они вышли после обеда, за который сели лишь в девять часов; было поздно, пели соловьи, воздух был насыщен запахом, который манил и опьянял, как крепкое вино; легкий прохладный ветерок, нежный, как ласка, слегка шелестел зеленью кипарисов, и было так тихо, что можно было слышать, как падают на сожженную солнцем землю один за другим лепестки увядающей розы.

В такую ночь в сердце зарождаются смутные, не связанные с определенной надеждой желания; хочется, чтобы вся эта красота жила вечно и чтобы в сердце всегда звучал ее мучи-

тельный и вместе с тем сладкий призыв. Это была ночь, когда несчастье кажется еще более глубоким, чем оно казалось днем, потому что наружная красота не гармонирует с внутренним разладом и еще более растравляет рану уязвленного сердца.

Франческа думала с отчаянием, как бы уйти от себя самой. Тони скрылся после обеда; она, конечно, знала, куда он пошел, но надеялась, что он скоро придет к ним в сад.

Он не пришел.

Неделю назад он гулял бы подле нее и вместе с ней наслаждался бы красотой ночи.

Возможно, что он молчал бы, но Франческа умела понимать его без слов.

И, внезапно взглянув на Паскаля, она была поражена его молодостью и жизнерадостностью.

Обычно он относился безразлично ко всему окружающему или предъявлял к жизни неосуществимые требования, но в этот вечер волшебный запах ночи расшевелил и его, стряхнул с него его фатовство, и он стал таким же существом, как и все. Он взял Франческу под руку.

– Не правда ли, как все это божественно? В такую ночь в нашей душе пробуждаются чисто языческие инстинкты. Хочется просто жить, имея перед собой весь этот мир, чтобы мечтать в нем и любить. Франческа, вы знаете, я чувствую себя сегодня так, точно все звезды принадлежат мне, и я мог бы, если бы захотел, забросить каждую из них на край неба. Я чувствую... – Он вдруг остановился и, как бы угадывая ее настроение, добавил: – А вы в то же самое время чувствуете, что все нехорошо и что нарушен порядок вещей!

Франческа тихо засмеялась:

– Мой милый мальчик, не стоит говорить об этом. То, что случилось, кончено. Я сама помогла тому, чтобы оно случилось. Я была бы недостойна уважения, если бы я не сделала этого, а теперь было бы малодушием и безумием жалеть о том, что поступила хорошо. Во мне нет ни того, ни другого. Я просто, как и всякая другая женщина, ревнива и лишь немного искупаю этот грех тем, что сама смеюсь над собой в те минуты, когда не слишком себя презираю.

– Зачем вы это сделали? – спросил Паскаль.

Франческа опять засмеялась:

– Зачем? По причине, которую вы вряд ли поймете; вы слишком умны для этого, и ваше сердце, при всей вашей молодости, слишком старо. Я сделала это потому, что я люблю Тони и хочу, чтобы он меня любил; потому что он не умен, а также потому, что он для меня не только муж, но и маленький сын, и он должен получить то, что он хочет, если я в состоянии ему это дать. Я могла дать ему Дору и не могла сама решиться на это. Он обезоружил меня тем, что боролся на моей стороне. Я думала только о себе, а он думал также обо мне.

– Или вы воображали, что он думал? – вставил Паскаль.

– Мой дорогой, когда любишь – то, чему веришь, становится правдой и остается таковой до тех пор, пока веришь. Но, если хотите, скажем, что я верила, будто Тони щадит меня, а я щадила его, – и, таким образом, мы вертелись в кругу, из которого был только один выход – разорвать этот круг. Возникал вопрос: почему два существа должны были быть несчастны, а одно вполне счастливо? И вот теперь двое из нас вполне счастливы, а третья – я сама – если не счастлива, то, по крайней мере, чувствую, что поступила хорошо, а хорошие поступки должны быть награждаемы, – хотя, как я заметила, никогда не бывают вознаграждены; это происходит, вероятно, оттого, что, сделав что-нибудь хорошее, начинаешь ждать награды и этим отнимаешь у хорошего поступка всю его заслугу. Я чувствую себя в положении тех людей, которым их друзья на Рождество делают подарок, чтобы потешить самих себя и совершенно не считаясь с тем, в чем их друзья нуждаются, а те должны казаться благодарными. Паскаль, вы знаете, я иногда переживаю то, что должен переживать человек, потерпевший крушение в море и выброшенный на необитаемый остров, где он находит лодку без

весел и где ему не из чего их сделать. Мы оба с Тони страстно хотели иметь ребенка; нам казалось, возвращаясь к моему примеру, что ребенок поможет нам выплыть на жизненный простор с нашего островка, который начинает становиться для нас немного тесным. И вот теперь ребенок налицо, я не знаю, что мне делать, и у меня нет достаточно искусства, чтобы помочь Тони.

– Я понимаю, – подхватил Паскаль. – А Тони такой опрометчивый, сказал бы я, и не заглядывает вперед. Ведь, по-моему, это отчаянный риск удочерить такого ребенка, как Дора. Как можно предвидеть, что из нее выйдет?

Было заметно, что ему доставляло довольно пошлое удовольствие думать, что Тони разочаруется.

– Не надо забывать, что существует наследственность, – добавил он.

Франческа почувствовала, как далек он от нее, несмотря на его стремление облегчить ее горе; он считал, что ее может утешить только разочарование Тони; в ней сразу заговорила настоящая, честная любовь супруги, неизменная при любых обстоятельствах.

– О нет, этого не случится, – спокойно сказала она. – В девяти случаях из десяти главную роль играет среда – конечно, когда ребенок попал в нее в раннем возрасте, а это преимущество как раз на нашей стороне. Дорогой мой, посмотрите, что творится в свете, который мы с вами знаем; если вы хотите примеров, я могу указать вам на мужчин и женщин, для которых среда была всем, которых создала среда.

Из темноты раздался голос Тони, который звал их.

– Мы здесь! – ответила Франческа.

Он направился к ним с сигарой в зубах, кончик которой светился, как пунцовая звездочка.

– О чем вы рассуждали?

– О положении в обществе, – ответила Франческа с легким смехом.

– И к чему же вы пришли?

– Оказывается, что его имеют только те, которые в нем нуждаются, – ответил Паскаль с усмешкой.

Тони, стоя все на том же месте, тихо сказал:

– Не правда ли, хорошо здесь, Фай? Клянусь Юпитером, жимолость пахнет английским поселком.

– Хвала тебе, жимолость, – насмешливо сказал Паскаль, – что ты пахнешь, как хорошенький, чистенький английский поселок. А здесь что мы имеем? Одурачивающий запах и яркие золотые звезды; даже пыли и той нет.

Он вынул портсигар, взял из него папироску и с шумом захлопнул его. Тони действовал ему на нервы. Ему хотелось рассердить его, вывести из его благодушного настроения. Это могло показаться глупым, но красота Франчески и голос ее, который задрожал, когда она отвечала Тони, огорчали его, ему хотелось, чтобы в эту ночь жизнь, со всей ее красотой, принадлежала ему одному, и злился, что из всего того, что его окружало, он не может воспользоваться ничем.

После минутной паузы он обратился к Тони с вопросом:

– Где ты был все это время?

Но Франческа тотчас заговорила. Паскаль понял, что она не хочет слышать ответа на заданный им вопрос.

– Я поднялся наверх, чтобы посмотреть, как чувствует себя Дора, – сказал Тони.

– В такую ночь! – воскликнула Франческа.

– А что, разве в нынешней ночи есть что-нибудь особенное? – спросил Тони взволнованным голосом.

Паскаль громко рассмеялся; в этот момент прошел слуга с фонарем в руках и осветил его смеющееся лицо; оно было похоже на лицо фавна, наслаждающегося своим лукавством и силой.

Глава 3

Биарриц, несмотря на его баккара, коктейли и прочие приятные вещи, не понравился им. Тони не любил шумную гостиничную жизнь; а Биарриц как раз был страшно многолюден; казалось, точно он вертелся в вихре бриллиантов, платьев, громкого смеха и бесконечных обедов.

Доре Биарриц тоже не понравился. Она почти не видела Тони, и жизнь ее была скучна. Она с плачем заявляла об этом на испанском языке, потом вдруг начала бледнеть и заболела.

В первый раз, с тех пор как они взяли ее, Франческа искренне, по собственному почину, занялась ею, брала ее на руки, стараясь утешить и бормоча разные ласкательные слова, которые дети понимают на всех языках.

В этот вечер она приехала с бала, который давала Диана Арундель на своей вилле, страшно устала и готовилась лечь спать. Тони тоже, как он говорил, «зевал до упаду», как вдруг в дверь постучали и вошла Эмилия, которая начала объяснять с отчаянной жестикующей, что дорогая крошка, дорогой маленький ангел чувствует себя хуже, что она умирает и Господь знает, что нужно делать.

Франческа угадала, что нужно делать. Она взглянула на обезумевшее от ужаса лицо Тони, накинула пеньюар и побежала в комнату Доры.

Она схватила ее на руки, начала качать, и тут внезапно ей пришло на память средство, которое она вычитала много лет назад в одном руководстве.

Нужна горячая вода, – все, что она могла вспомнить, – и она применила ее. Дора немного закашлялась, вдруг успокоилась, и ей стало сразу лучше. Франческа опять взяла ее на руки, и, когда она прижала ее к своему сердцу, она почувствовала себя необычайно радостной, счастливой.

Она продолжала ходить по комнате с малюткой на руках до тех пор, пока не вошел Тони.

Он шел крадучись, на цыпочках, а за ним вошел маленький, страшно болтливый доктор; последний мог только констатировать, что Франческа поступила очень умно.

Когда он ушел, Тони подошел к Франческе, сидевшей на диване со спящей Дорой на руках, и стал подле нее на колени. Он обнял ее и на минуту прижал ее голову к своей.

– Ты – волшебница, Фай, – сказал он хриплым от волнения голосом. – Доктор Гомес говорит, что, если бы ты не действовала так быстро, Дора была бы безнадежна. Мне так хотелось бы поблагодарить тебя за все, за то, что ты позволила удочерить ее, за сегодняшний день, за все...

Они дождались, пока Дора спокойно заснула в своей кроватке, и, поручив ее Эмилии, вышли в коридор, слабо освещенный одной лампочкой. Тут Тони схватил Франческу на руки.

– Ты смертельно устала, – сказал он.

Он донес ее до ее комнаты, уложил на кровать, скрылся на минуту и вновь появился со спиртовой лампочкой и маленьким котелком в руках. Он зажег лампочку, насыпал в котелок чаю из серебряной чайницы Франчески и, когда чай настоялся, налил чашку и стал поить Франческу.

– Прелесть ты моя, – сказал он.

Давно уже она не слыхала этого слова; только в редких, исключительных случаях он называл ее так.

И в этот момент, когда на востоке уже занималась заря, Франческа почувствовала, что вся эта обстановка, все, взятое вместе, – и Тони в своем широком халате, и сама она с распущенными волосами, и эта чашка чаю, и, наконец, это нежное название как бы вознаградили

ее за ту большую жертву, которую она принесла, подарив ему Дору; это было наградой за все ее муки, за все ее терзания. Чай был слишком крепок, в нем не было сахара и слишком мало молока, и тем не менее он показался ей божественным напитком.

– Теперь усни, милая девочка, – сказал Тони своим самым нежным голосом, в котором звучали и материнская заботливость, и любовь супруга.

Проехав не спеша страну замков, они ранней осенью прибыли в Гарстпойнт, и тут снова жизнь потекла, как и прежде: гости и охота днем, а по вечерам бридж и покер; ребенком почти некогда было заниматься. Дора появится и исчезнет, Тони только посмеется с ней и отпустит ее. Лишь перед обедом он успевал на часок проскользнуть в детскую, где он обыкновенно находил в сборе весь штат с миссис Бидль, учительницей английского языка, во главе.

Дора быстро училась говорить и столь же быстрые успехи делала в ходьбе, так что однажды вечером она соскочила со стула и пошла навстречу Тони, подобно воину, выпившему в поход.

– Классно! – сказал Тони, и в лексиконе Доры прибавилось еще одно лишнее слово.

Чтобы выразить свое желание, она обыкновенно из целой фразы выбирала одно или два слова; услышав, как Тони говорит: «Пойдем погуляем немножко», она стала говорить просто: «Немножко», выражая этим желание отправиться на прогулку, и Тони отлично понимал ее.

Однажды Франческа ввела в детскую нового гостя; это был Ник, фокстерьер, который считал себя лучшим крысоловом, гордостью псарни и своего хозяина.

Впрочем, в скором времени он низко пал, сделавшись просто собакой при детской; ввела его в этот рай сама Франческа. Однажды в дождливый день он встретил ее в передней и, томясь скукой, решил побыть в ее обществе.

Он пришел, был замечен и побежден Дорой; она ничего не знала о его храбрости, о его репутации, ничего не понимала даже в его красоте, но он понравился ей, она обняла его и умоляла, чтобы он ее поцеловал.

Ник заглянул в ее зеленые глаза, и ему стали понятны искушения Антония и Париса и любовь Ромео; он сразу исполнился немым обожанием к ней и, как Антоний, сменил военную жизнь на тепло и блаженство. Хозяин тщетно звал его; он только вилял хвостом и оставался с Дорой. Иногда, Впрочем, случалось, что он выходил погулять с Тони, который, пользуясь случаем, старался его усовестить:

– Где твоя любовь к спорту? Где твоя профессиональная гордость? Ты покинул меня; спустил флаг на псарне, уронил престиж двора!

Ник слушал, устремив на него свои темно-желтые глаза, вертел хвостом, как бы желая сказать: «Дора меня любит», и, весь грязный и мокрый, после прогулки бежал к Доре.

– Так падают сильные, – говорил Тони, а Ник слушал, подняв одно ухо и устремив глаза на огонь в камине.

– Нам придется взять его с собой в город, – сказал Тони Франческе, – а то, если он останется здесь, он зачахнет.

Они сидели вдвоем в гостиной в мирный предобеденный час. Тони уже оделся, а Матильда еще не приходила. Франческа лежала на диване и смотрела, как играют в камине изумрудные и красные огоньки. Эта комната в Гарстпойнте принадлежала исключительно ей. Все, что в ней находилось, было подарено ей в разное время Тони. Обстановка соответствовала и туалетной, и гостиной. На белых стенах висели портреты Тони, фотография с написанного Сарджентом портрета Франчески, виды их домов; стояло бюро, за которым Франческа писала письма, а в углу большой туалетный стол с пятистворчатым зеркалом.

Тони с трубкой в зубах весело болтал, нюхал духи и причесывал волосы щетками Франчески. Он втайне обожал этот туалетный стол, хотя и не признавался в этой слабости; он занимал его и приводил в восторг так же, как замечательная способность Франчески вести хозяйство. Он любовался тем, что она умела всегда сделать так, «как надо», вместе с тем никогда не показывая вида, что она что-то делает.

Голос Франчески долетел до него:

– Удачный день был сегодня?

– О да! Хорошо пробежались. Правда, из-за оттепели грязь по самую шею и мягко под ногой, но такой чудный, острый запах кругом!

– Как великолепно, дорогой!

– Да, – продолжал Тони, пытаясь отполировать ноготь, для чего потребовалась бы целая банка политуры. – Но почему ты к нам не заглянула?

Франческа рассмеялась; он повернулся и посмотрел на нее с удивлением:

– Что такое? Над чем ты смеешься?

Она сидела, окруженная целой кучей подушек, с волосами, заплетенными в косу, и казалась очень молодой и веселой.

Тони подошел к дивану и остановился подле него, смотря на нее с улыбкой:

– У тебя была какая-нибудь особенная причина?

Фай немного подвинулась и дала ему место подле себя.

– Сядь, я скажу тебе.

Он послушно сел.

– Ты, кажется, была в поле до самого чая, где-нибудь поблизости от нас, а я не знал. Наверное, какая-нибудь шутка в этом роде?

– Нет, у меня была более серьезная причина.

– Скажи скорее, родная.

– Тони, ты только что сказал, что мы возьмем с собой Ника в город.

– Да, и, как честный человек, я не отказываюсь от своих слов.

– Тони, а что, если мы останемся здесь?

– Как, пропустить сезон? Мне-то это все равно, но я не хочу, чтобы ты забросила все только потому, что я люблю деревню.

– Ну, конечно, выступай, как благородный муж в пьесе или романе. Скажи: «О нет, моя дорогая, этого не может быть!»

Она рассмеялась, но вдруг остановилась, и наступило молчание.

Потом она притянула его к себе и прижалась щекой к его щеке.

– Дорогой, слушай, ведь это правда; правда, после всего, после нашего отчаяния, вопреки тому, что сказали специалисты! Сэр Грэхем Дюк был здесь сегодня, и он так доволен. А ты – ты доволен?

Он отстранился немного от нее, а потом схватил ее на руки и держал ее так, прижав ее голову к своему плечу и смотря на нее при свете камина; она спрятала свое лицо у него на груди, и он сел, нашептывая ей нежные слова, целуя ее волосы.

Прозвучал гонг, и постучалась Матильда.

Франческа встала.

– Я измяла тебе рубашку, дорогой. Беги смени ее, а я буду одеваться, мне надо спешить.

– Сейчас, – сказал Тони; он крикнул Матильде, чтобы она подождала, и вернулся к Франческе. – Прелесть моя, – сказал он тихо.

Они постояли мгновение близко-близко, но не касаясь друг друга; потом он наклонился, поцеловал ее в губы и вышел.

Глава 4

Сын Франчески родился в середине лета. В душном воздухе стоял аметистовый туман; день был какой-то неживой, нечем было дышать. Вечер, не освеженный дуновением ветра, подходил к концу, а по мере того как угасал день, угасали и силы Франчески.

Она умерла на заре, со слабой, неизъяснимой улыбкой на губах, обратив последний, полный любви взгляд на Тони. А он, почувствовав на себе этот взгляд, подумал, что ей стало лучше, так была похожа эта улыбка на ее обычную, немного насмешливую, бесконечно нежную улыбку.

Он встал на колени подле ее большой кровати, с которой сняты были все занавески, и взял тонкую руку Франчески в свою. Тысяча самых разнообразных воспоминаний, сменяя одно другое, зароились в его голове, навевая на него чувство тяжелой, невыносимой усталости.

– Господи, когда наступит день? – сказала Фай... – У нас есть сын... – Как бесконечно давно Фай говорила это... День их свадьбы... желтые розы, которые слуга где-то достал – странно, как эти люди умеют все доставать!.. О, зачем доктор не дал ей чего-нибудь, чтобы поднять ее? В ней было столько жизненной силы... в тот день на охоте – после несчастья...

Ему показалось, что рука ее задрожала, он поднял свое растерянное лицо; Фай смотрела на него тихим, ясным взором.

– Тебе лучше? – спросил он хриплым голосом. Она улыбнулась, нежно смотря прямо в его голубые глаза, понимая его. Губы ее задвигались. – Фай! – громко закричал он в невыразимой тоске.

Она всегда заботилась о нем, угадывая, что ему нужна такая любовь; она сделала страшное усилие; оно было последним.

А в детской Рекс все время плакал; Дора смотрела на него, сидя на коленях у Эмили, и выражала по-испански свои наблюдения.

– Какой он маленький и смешной! – серьезно говорила она; одни лишь пальчики его ног, по ее мнению, были похожи на обыкновенные – человеческие.

Рекс походил на мать; у него были такие же темные глаза, и пушок на его голове был такого же золотистого цвета, как волосы Франчески.

Он был очень нервным ребенком – все время плакал, и, слушая его, Эмилия приходила в отчаяние.

– Что за ребенок, – говорила Дора, – плачет, плачет, плачет!

Тони увидел своего сына только через месяц после его рождения.

Он как-то случайно зашел в детскую, только для того, чтобы дать указания по поводу предстоящего ремонта; он только что вернулся с осмотра своих ферм и был в сапогах и гетрах.

Он вошел и остановился в дверях, не замеченный ни Эмилией, ни Дорой.

Франческа очень любила украшать детскую. Ему вдруг вспомнилось, как однажды она ездила выбирать изразцы для камина в магазине Гуда – в этот день они завтракали в ресторане. Тысяча самых незначительных подробностей, связанных с этим днем, воскресли в его памяти; все это были пустяки, но они стали бесконечно дороги, будучи связаны с памятью о той, которой уже не было. К платью Франчески в этот день были приколоты гардении. Они вместе поехали к Гуду. Франческа говорила, что это лучший магазин в городе, потому что, когда подходишь к нему, дверь открывается сама собой. Над какими пустяками могут смеяться люди, когда они счастливы.

Напротив входа, на блестящих глазурированных черепицах, стоял оловянный солдатик и постоянно раскланивался.

– Нам нужно поставить такого же, посмотри хорошенько, как он устроен, и запомни, – сказала Франческа.

Тони шагнул в комнату, и Дора бросилась к нему с протянутыми руками, топая своими ножками в зеленых башмачках.

– Подними меня, подними! – требовала она. Он поднял ее. Когда она прижалась к нему своей щекой и он почувствовал на своем лице это нежное мягкое прикосновение, ему показалось, точно он испытывает давно забытую ласку женщины, которая хочет его утешить, и на минуту горе его стало не так ужасно.

– Здравствуй, милашка, – сказал он Доре, направляясь к Эмилии, которая встала и печально смотрела на него.

Тони взглянул на своего сына, и лицо его приняло упрямое выражение.

– Это вот – вместо нее.

Рекс поднял глаза и серьезно посмотрел на отца; у него были точно такие же темно-янтарные, прозрачные глаза, как у Франчески, глаза сенбернара, как однажды их назвал Тони.

– Может быть, барин возьмет его на руки? – осторожно заметила Эмилия и положила Рекса на свободную руку отца, не дождавшись его ответа.

Тони взял его и стал на него смотреть; он слышал, что отцы испытывают особое чувство к своим детям, но ничего подобного он не ощутил, держа на руках Рекса; только чувство тоски, на минуту затихшее, стало еще сильнее.

Он отдал Рекса Эмилии, поцеловал Дору и вышел.

Был чудный день, свежий, пронизанный мягким светом; наступила осень, но она шла на смену лету лишь для того, чтобы, как любовник, украсить свою возлюбленную. Розы пышно цвели второй раз, и подстриженные буксовые изгороди, пригретые солнцем, издавали острый запах.

Тони вышел и сел с трубкой в зубах в маленьком садике, засаженном розами. Он снял фуражку и посмотрел вокруг себя. День был великолепный, он чувствовал это, но, боже, до чего бесконечно тянулись теперь дни! Мозг его начал работать над разрешением все той же задачи, которую он никак не мог решить. Жизнь его была изуродована. Смерть Фай повергла его в пропасть, из которой не было спасения, он бился в ней, ища исхода, и только ранил себя.

Ему казалось, точно его обманули и поступили с ним страшно несправедливо. Если природа требовала, чтобы два существа для своего совершенства сливались в одно, было невероятно, чудовищно, чтобы вдруг, без всякой причины, это слияние могло быть нарушено и жизнь одного из них исковеркана и оставлена ему лишь для того, чтобы он жестоко страдал.

Станным и непонятным казалось то, что до женитьбы он жил один и чувствовал себя довольным и счастливым. Теперь он вновь был один, но, увы, какая разница! Мозг его был подавлен горем, и он чувствовал себя выброшенным из среды людей.

Его знакомые выражали ему свою симпатию и сочувствие его горю, а он думал: «Какое им до меня дело? У них есть дом и все их обычные интересы, к которым они через час вернутся, и им не понять моего положения. Я хорошо это знаю, так как сам был таким же».

Ему неприятно было слушать, как другие говорили о Фай; эти разговоры будили в нем какое-то ревнивое чувство. Само место раздражало его; здесь каждая комната напоминала о прошлом, о Фай, которая была одной из женщин, оставляющих отпечаток своей личности на всем, что их окружает.

Многие интересные женщины не обладают этим свойством, вероятно, оттого, что яркая индивидуальность почти всегда соединяется с некоторой сухостью, а для того, чтобы быть способной, так сказать, пропитать окружающее обаянием своей личности, женщина

должна обладать большой нежностью. Фай всю себя отдала обязанностям супруги, и для нее дом значил очень много.

Их дом и раньше был прекрасен, но она сумела внести в него уют. Во многих комнатах были собраны коллекции самых разнообразных вещей. Фай обожала коробочки и веера и любила коллекционировать маленькие модели обуви всех тех мест, по которым она сама ступала ногами во время своих путешествий с Тони; всюду лежали миниатюрные коробочки – эмалевые, черепаховые, украшенные драгоценными камнями, – в некоторых сохранились папиросы; веера были в оправе и без оправы.

Тони также иногда покупал для нее коробочки, Фай всегда благодарила его за то, что он думал о ней, и хвалила его выбор, но так как он ровно ничего не понимал в этих коробочках и знал только, что они бывают круглые, квадратные, продолговатые и что они открываются и закрываются, то самые неудачные из них с течением времени исчезали.

Он продолжал сидеть в саду; от улицы по дорожкам протянулись длинные тени; на конюшне пробили часы, и этот одинокий звук еще больше подчеркнул печальную тишину вечернего часа.

Чувство беспредельного одиночества и полного отчаяния окутало его, точно непроницаемой пеленой.

На него напал страх. «Я ничего не могу с этим поделать; я не могу уйти от этого; я должен всю жизнь влачить это за собой». Ему казалось, точно кто-то похитил у него всякую надежду, оставив ему лишь ужас переживаемых минут.

А жизнь будет идти своим чередом! И подумать только, что многие считают ее особой, дарованной нам милостью.

Из дома вышел Ник; он постоял, освещенный последними солнечными лучами, и медленно направился к Тони.

Он подошел к нему, сел у его ног и стал смотреть в сторону. Тони взглянул на собаку и почувствовал что-то дружественное в этом маленьком существе с хохолком жестких белых волос около ошейника. Он назвал терьера по имени, погладил его по спине, и Ник, на минуту встретившись с ним глазами, прижался к его ноге.

С неба опускалась ночь, окутывая землю темным покрывалом. Они продолжали сидеть так вдвоем; Ник своим телом грел ногу Тони, и ему казалось, что собака хочет выразить ему свою симпатию, свое сочувствие.

У Тони был ревматизм; трава становилась сырой, но он не замечал этого и не шевелился.

Наконец он встал, Ник тоже осторожно поднялся, и они медленно направились к дому.

– Итак, решено, – сказал Тони. – Я уеду возможно скорее. Я не могу оставаться здесь. Ничто меня здесь не держит. О детях позаботятся. Сидеть так целыми днями, а ночи лежать без сна – нет, я больше не могу! Решено...

Глава 5

Пообедав, Тони велел подать автомобиль и отправился в Пойнтерс. Это был дом, стоявший на самом краю его владений; в нем жила его тетка, миссис Стаффорд, которую по ее просьбе родственники и весь свет называли просто Джи.

Джи приняла Тони в столовой, где она заканчивала свой обед так, как заканчивал его ее отец до нее, а его отец до него, – прекрасным портвейном и грецкими орехами. Когда вошел Тони, она махнула рукой дворецкому, маленькому, сморщенному человеку, чтобы он вышел.

Джи гордилась своим умением жить, непринужденностью своей речи и знанием людей.

В этот вечер на ней было платье, похожее на мужской придворный костюм, которое ей очень шло. Она была небольшого роста и тонка, ее поседевшие волосы были коротко пострижены и стояли щеткой, что тоже странным образом шло ей. У нее были чудные темные глаза, которые она подводила, отчего они казались еще темнее; сорок лет она употребляла одни и те же духи, которые по ее заказу изготовляла какая-то французская фирма.

– Ну что, бедный мой? – обратилась она к Тони своим приятным голосом. – Готова держать пари, ты приехал сообщить мне, что ты хочешь удрать и просишь меня присмотреть здесь за всем.

– Вы правы, именно так, – ответил Тони.

– Выпьешь немного портера? Нет? Ну так виски. Пожалуйста, выпей чего-нибудь. Нынешнее поколение мужчин приводит меня в отчаяние. Мы, или, вернее, они, должны принять меры, иначе на них падет ответственность за гибель лучшей страны в мире, которая будет задавлена выскочками, колониями и волнующимися республиками. Твой отец пил, и дед, и прадед, и прапрадед, и тем не менее ты произошел от них... Ну, что скажешь?

– Я не могу больше выдержать, Джи, – сказал Тони. – Может быть, это малодушие, мне все равно, но я выбился из сил. Я телефонировал в город и повидался с Кокрэном в клубе, он поедет со мной.

– Куда?

– В Африку, в Индию, все равно! Куда бы то ни было.

– Для тебя это самое лучшее. Почему бы тебе не сделать ту же экскурсию, которую я предприняла в девяносто шестом году? Я могла бы дать тебе и карты, и все необходимые указания.

– Да, можно бы, – рассеянно сказал Тони.

Джи помешала свой кофе.

– Да, я думаю, для тебя это будет лучше всего. Считаю это дело решенным. Теперь дай мне инструкции, что я должна делать.

– Да, пожалуй, – пробормотал Тони.

Джи посмотрела на него с отчаянием:

– Ради бога, друг мой, будь благоразумен. Скажи мне, что я должна делать с детьми?

– Эмилия все знает, ей можно доверять; мне бы хотелось только, чтобы вы навещали их ежедневно.

– Я делала бы это и без твоей просьбы, – сказала Джи, смотря на Тони и изучая выражение его лица. – Пойдем, я сыграю тебе что-нибудь; может быть, ты думаешь, что это несвоевременно, но поверь мне, что все своевременно, что может рассеять человека, измученного горем. Жаль, я не знала, что ты придешь: я послала бы за Лайгоном и этой глупышкой Легацией, у которой только карты на уме, и мы могли бы сыграть. Теперь, пожалуй, уж поздно. Не смотри с таким отчаянием. Горе не умирает, оно священо, и все, что угодно, я не спорю, но... ведь так думают только те, для которых оно ново. Когда пройдет первый, самый ост-

рый период, ты вспомнишь мои слова, которые теперь кажутся тебе неверными. Пойдем, я сыграю тебе «Liebestraum». Выпей еще виски!

Тони последовал за ней в ярко освещенную гостиную, где стоял прекрасный рояль, другой мебели в ней не было.

Два попугая слетели с окна и приветствовали Тони.

– Амур и Психея, сидите смирно, – приказала им Джи, и они тотчас повиновались.

Джи сняла с пальцев все свои кольца и даже обручальное, хотя оно было такое тонкое, как нитка.

– К чему показывать людям, что у тебя на сердце? Этим ты только затрудняешь общение с ними и заставляешь их считать тебя более солидным, чем ты когда-либо хотел быть, – сказала она и начала играть.

Играла она великолепно, в ее игре были одновременно и сила, и нежность.

Тони сидел с папиросой в зубах и слушал, опустив голову. Иногда глаза его останавливались на тетке, и он начинал думать, какова она могла быть в молодости. Он слышал, что у нее было много побед и что юность ее прошла довольно бурно; этому можно было поверить, судя по ее лицу и по тем страстным звукам, которые извлекали из рояля ее тонкие пальцы.

– Ну что? Права я была относительно того, что нужно забыть? – спросила она, глядя на него смеющимися глазами. – Я знаю, ты считаешь, что забыть было бы изменой. Люди думают, что верность заключается в слепой привязанности к какой-нибудь одной идее или одному человеку, подобно тому как некоторые безумные становятся жертвой какой-нибудь одной мысли и, кроме нее, ничего не видят. Нет, верность, в ее истинном смысле, должна заключаться в покровительстве, защите, как интеллектуальной, так и физической, любимого человека, а вовсе не в том, чем считают ее люди. Человечеству нравится ограничивать себя; большинство из нас думает, что имеет цену только такой порядок вещей, который установлен на долгое время. Перемены, движение пугают людей или вызывают их насмешки.

Она подошла к камину, облокотилась на него, поставив свою необыкновенно тонкую ногу на каминную решетку, и стала смотреть на Тони. В ее взгляде не было нежности; она просто делала свои наблюдения, стараясь угадать, что будет с ним в будущем. Она решила, что он никогда не женится вновь, так как он принадлежал к тому типу людей, которые, раз полюбив кого-нибудь, причисляют любимого человека к лику святых; так вот и Тони канонизировал Франческу.

Джи удивлялась тому, какое могучее влияние могут оказывать сильные натуры; это влияние бывает иногда настолько сильно, что один человек как бы всецело воплощается в другом. Пока Франческа была жива и Тони находился под ее влиянием, про него можно было сказать даже, что он интересен, но теперь, когда это влияние прекратилось и он стал только самим собой, – какая необыкновенная произошла в нем перемена! Он стал прямо несносен.

«До чего жестоки люди, – думала Джи, – этот несчастный человек стал скучен и, чтобы он не надоедал мне больше, я хочу, чтобы он уехал. Неужели большинство людей столь же бессердечны и все их симпатии только на время?»

– Ну, мне пора... Значит, вы посмотрите здесь за всем?

– До свидания, дорогой!

Он пошел, но опять вернулся.

– Я чувствую, что накладываю на вас большую ответственность, но вы из тех людей, которым можно доверять.

– Да, ты прав, и это, пожалуй, единственное мое достоинство, которое происходит от моей необыкновенной, стальной гордости. Не правда ли, странно, как много добродетелей имеют своим источником порок. Ну, до свидания; еще раз благодарю тебя за посещение.

Она посмотрела, как он садился в автомобиль; фонарик, горевший сзади экипажа, замелькал красной звездочкой в темноте, постепенно удаляясь. Она дождалась, пока он не скрылся совсем, зажгла папиросу и вышла в сад.

Мысль об ответственности была ей не особенно приятна; она согласилась принять на себя эту обузу только потому, что не хотела уронить себя в собственном мнении.

Гуляя, она думала: если присмотреться хорошенько, как мало поступков происходит из альтруистических побуждений; вот сама она дожила до шестидесяти лет, а много ли она делает из любви к ближнему? Главным двигателем, управлявшим ее жизнью, было правило: *noblesse oblige*. Окрестные жители любили ее за ее щедрость, друзья – за остроумие, а родственники – за умение молчать.

В ней была какая-то особая бодрость, которой обыкновенно отличаются люди, не знавшие болезней.

Она была замечательно подвижна, не пропускала ни одного собрания, ни одних гребных гонок, объездила Африку. Злые языки уверяли, что Стаффорд умер оттого, что не мог поспевать за ней. Это была неправда: Стаффорд умер самым нормальным образом, и он обожал свою жену. Правда, он был немного слабохарактерен (обстоятельство, которое Джи тщательно скрывала), но он был очень мил – как раз такой муж, какой должен быть у сильной женщины. Очень часто такие мужья благодаря стараниям своих жен достигают успеха в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.